

Качество жизни

Помню, как я сидела поздним вечером на веранде своей дачи (давно проданной и канувшей в Лету) и слушала голоса надвигающейся ночи: шорох трав и листьев, вспорхи птиц, шуршание ежовых ножек, стук падавших яблок. Это были голоса жизни – ночной, скрытой, неведомой мне днём. Вроде бы ничего не происходило: никаких событий, никаких веских поводов к стиху, но почему-то это запомнилось, отстоялось, осталось. Из таких отстоянных мгновений и состоит жизнь. Чем их больше – тем выше качество жизни.

Мы привыкли понимать под этим словосочетанием нечто другое: материальные блага, комфорт, но это всё оболочка, оформление жизни, но не главное в ней. Главное – наше ощущение её, острота и свежесть восприятия, яркость эмоций. От реальных событий, внешнего благополучия это мало зависит.

Вспомним, как мы были счастливы в детстве, в ранней юности – беспричинно, одной лишь самозабвенной радостью бытия. Потом наступает довольно длительный период машинального существования, когда человек занят учёбой, карьерой, обогащением или выживанием – кому как повезёт, когда он стремится к какой-то конкретной цели и идёт к ней, не замечая ничего вокруг. Поезд жизни мчится, и лишь мелькают перед глазами дома, перелески, чьи-то лица, закаты, рассветы, не успевая толком запомниться, запечатлеться в душе. И вот в какой-то момент поезд вдруг останавливается, и тебя оглушает звенящая тишина. И ты замечаешь, что “жизнь, как тишина осенняя, подробна”, что она полна цветов и запахов, и начинаешь пить эту жизнь, как росинку с листа, по капельке, по глоточку. И понимаешь, что счастье – это совсем не то, к чему ты так долго неудержимо стремилась, что оно всегда было тут, рядом, его

можно потрогать, послушать, ощутить кожей. Голоса ночного сада. Запах сирени. Плечо любимого. Тёплая шерстка собаки.

Поэт слишком хорошо знает, что такое жизнь, чтобы принять за неё инерцию существования. “Когда другие рассказывают о своей жизни, – писала Цветаева, – я всегда удивляюсь нищете не событий, а восприятия: ну, школа, ну, первая любовь, ну, женитьба. Ну а остальное? Остальное либо не числится, либо его не было”. Счастье – это полнота прожитого тобой мгновения.

Принято считать, что жизнь – это сплошная цепь утрат и разочарований, непрерывное расставание с иллюзиями детства и надеждами юности, неперенный крах в конце и разбитое корыто в итоге. Но это – если воспринимать жизнь в её трагическом целом. А надо научиться воспринимать её на молекулярном, клеточном уровне, то есть на том, на котором она почти никогда не разочарует.

Есть такие счастливые натуры, вечные “очарованные души”, кто способен сохранить детское умение жить здесь и сейчас, кому дан талант одухотворять сиюминутное. Это дано А. Кушнеру:

Придѐшь домой, шурша плащом,
стирая дождь со щѐк.
Таинственна ли жизнь ещѐ?
Таинственна ещѐ.

Ларисе Миллер:

Неслыханный случай. Неслыханный случай:
листва надо мной золотистою тучей.
Неслыханный случай. Чудес чудеса:
сквозь жѐлтые листья видны небеса.

Удача, и праздник, и случай счастливый:
струится река под плакучею ивой.
Неслыханный случай. Один на века:
под ивой плакучей струится река.

Это гениально умел Пастернак:

Ты спросишь, кто велит,
чтоб август был велик,
кому ничто не мелко,
кто погружён в отделку
кленового листа?..

И правда, кто? Кто или что рождает в минуты глубинных прозрений в нас это ощущение счастья, чуда? И так мало нужно для этого.

Что нужно для чуда? Кожух овчара,
щепотка сегодня, крупица вчера,
и к пригоршне завтра добавь на глазок
огрызок пространства и неба кусок.
И чудо свершится...

Даже Бродский, самый трезвый и хладнокровный из всех наших поэтов, ощущал это метафизическое чудо мгновения. В. Маканин говорил, что он старается “жить моментом”. В. Жуховицкий призывал “остановиться, оглянуться”. Но можно ли научить этому, научиться счастью, поймать синюю птицу за хвост, пришить к бумаге солнечный зайчик?..